

Т. И. Ерохина

<https://orcid.org/0000-0002-8328-2546>**Героизация личности и быта в советской культуре начала XX в.:
генезис и трансформация**

Выполнено по гранту Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Ерохина Т. И. Героизация личности и быта в советской культуре начала XX в.: генезис и трансформация // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (115). С. 147-155.
DOI 10.20323/1813-145X-2020-4-115-147-155

В статье анализируются теоретические установки деятелей советской культуры начала XX в. в контексте философских и художественных установок и практик Серебряного века. Автор отмечает, что становление советской культуры генетически связано с осмыслением концептов, разработанных в русском модернизме рубежа XIX-XX вв. Особое внимание уделяется героизации личности и быта, которые приобретают символический смысл в первые годы советской власти. Обращаясь к сопоставлению героизации как целенаправленного процесса с дефинициями «героическое» и «герой», автор анализирует ее мифологические и историко-культурные основания, актуализирует понимание героического в русской философии и художественной культуре конца XIX – начала XX в. Обозначены противоположные установки культуры Серебряного века и советской культуры первого десятилетия в понимании индивидуального и коллективного героизма, мифологизации и героизации личности, элитарности культуры и общественной пользы. Вместе с тем, обращаясь к базовым концептам русской культуры рубежа XIX-XX вв., автор акцентирует внимание на заимствовании и трансформации ряда концептов Серебряного века советской культурой. Актуализируется идея соборности, представление о культурном герое, отрицание быта как феномена, пафос разрушения и строительства нового мира. Опираясь на герменевтический анализ теоретических работ, лекций, воспоминаний, автор обнаруживает декларируемую бинарность и генетическую связь героизации личности и быта в советской культуре начала XX в., которая свидетельствует о преемственности и трансформации моделей культуры, сложившихся на рубеже XIX-XX вв.

Ключевые слова: советская культура, героизация, мифологизация, героическое, культурный герой, быт, соборность, индивидуализм, повседневность.

Т. I. Erokhina

**Heroization of the personality and life in soviet culture of the beginning of the XX century:
genesis and transformation**

The article analyzes the theoretical attitudes of Soviet cultural figures of the beginning of the XX century in the context of philosophical and artistic attitudes and practices of the Silver Age. The author notes that the formation of Soviet culture is genetically connected with the understanding of concepts developed in Russian modernism at the turn of the XIX-XX century. Special attention is paid to the glorification of personality and life, which acquire a symbolic meaning in the early years of Soviet power. Turning to the comparison of heroization as a purposeful process with the definitions of «heroic» and «hero», the author analyzes the mythological and historical-cultural foundations of heroization, actualizes the understanding of heroic in Russian philosophy and artistic culture of the late XIX – early XX centuries. Opposite attitudes of the culture of the Silver Age and Soviet culture of the first decade in understanding individual and collective heroism, mythologization and heroization of the personality, elitism of culture and social benefits are outlined. At the same time, turning to the basic concepts of Russian culture at the turn of the XIX-XX centuries, the author focuses on borrowing and transforming a number of concepts of the Silver Age by Soviet culture. The idea of sobriety, the idea of a cultural hero, the denial of life as a phenomenon, the pathos of destruction and the construction of a new world are actualized. Based on a hermeneutic analysis of theoretical works, lectures, memoirs, the author discovers the declared binarity and genetic connection of the glorification of personality and life in Soviet culture of the early XX century, which testifies to the continuity and transformation of cultural models that developed at the turn of the XIX-XX centuries.

Keywords: Soviet culture, heroization, mythologization, heroic, cultural hero, life, sobriety, individualism, everyday life.

В концепции новой личности советского периода особое значение приобретает тематика героического и героизация личности, которая обусловлена рядом философских, историко-культурных и социокультурных оснований. Тема героического неоднократно становилась предметом исследований в гуманитарном знании, что связано с комплексными представлениями о сути героического в философии и психологии, эстетике и социологии, истории и искусствоведении. Эволюция героев и осмысление героического в культуре имеет символический аспект: героическое (будучи категорией эстетики и этики), прежде всего, раскрывает «ценностный смысл выдающегося по своему общественному значению деяния, требующего от человека или коллектива людей (социальной группы, класса, народа) высшего напряжения духовных и физических сил, мужества и самоотверженности» [Эстетика ... , 2020].

Героическое рассматривается как проявление высокой нравственности, высвобождение «в экстремальных условиях (и в кризисные периоды культуры) внутренних, скрытых до времени творческих сил человека» (см. дис. канд. филос. наук Г. А. Кривошековой «Герои и героизм в культурно-историческом бытии народов Европы и России»). Героическое взаимосвязано с идеальным, образцовым, выдающимся, поскольку «является наиболее полным воплощением совершенного поведения личности» [Киященко, 1965, с. 90]. Сущностное понимание героического отражает нравственные идеалы общества («высокое сознание общественного долга и стремление к его выполнению» [Киященко, 1965, с. 90]) и может способствовать раскрытию того или иного типа культуры, его менталитета и хронотопа.

Именно подобное понимание героического в культуре привело к тому, что героизм становится одной из самых популярных тем советской эстетики и художественной культуры, а героизация приобретает массовый характер и выступает неотъемлемой частью как концепции личности, так и советского образа жизни, пропагандируемого на уровне государственной идеологии.

В задачи нашего исследования входит осмысление генезиса и трансформации героизации личности и быта в советской культуре начала XX в., которая будет рассмотрена в соотношении с дефинициями «героическое» и «герой». Выбор периода обусловлен сменой историко-культурных парадигм: переходом от трактовки героического в

культуре Серебряного века к становлению новой концепции героя в культуре первого послереволюционного десятилетия, поскольку именно этот переходный период наиболее репрезентативно демонстрирует нам как генетические связи русской культуры, так и основания разрыва, «слома» эпох, приведшие к формированию феномена советского бытия.

Материалом исследования станут теоретические работы творцов и культурных деятелей конца XIX – начала XX в., а также художественные практики указанного периода.

Отметим, что героизация свойственна не только советской эпохе. Проблемам героического в истории культуры посвящены многочисленные исследования философов, мифологов, историков, культурологов, которые обращались к разным аспектам героизма и образам героев в культуре. Так, прежде всего, отмечались мифологические истоки героического, напрямую связанные с мифологическим персонажем: героем, происхождение которого было определено либо божественным рождением (полубог/получеловек), либо выдающимися предками (благородного рода) [Мифы народов ... , 1997, с. 25-27]. Сущность героя изначально определялась его функциями – героическими деяниями (подвигами), сверхчеловеческими возможностями, стремлением к обретению бессмертия и славы. Герой в мифокритике олицетворяет силу космоса в борьбе с хаосом, генетически его образ связан с образами богов, предков, творцов-демиургов, культом вождей [Мифы народов ... , 1997, с. 25-27].

Важнейшую роль в понимании героического в истории культуры сыграла концепция Т. Карлейля, который анализирует представление и функции героя в контексте исторического, соотнося мифологических и исторических персонажей, великих людей и их деяния: «Они, эти великие люди, были вождями человечества, воспитателями, образцами и, в широком смысле, творцами всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достичь; все, содеянное в этом мире, представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежавших великим людям, посланным в наш мир» [Карлейль, 2008]. Т. Карлейль расширяет функции героического, обозначенные в мифокритике, поскольку обращается не к типологии подвигов героя, а к его ипо-

стасям: божество, пророк, поэт, пастырь, писатель, вождь.

Не останавливаясь на типологии героев и подвигов, отметим, что термин «героизация» (в отличие от дефиниций «герой» и «героическое») вошел в научный оборот сравнительно недавно. Так, слово «героизация» отсутствует в толковых словарях В. Даля, С. Ожегова и др. В значении «наделение кого-либо или чего-либо героическими чертами» оно появилось в XX в. [Словарь русского языка, 1999] При этом, в отличие от понятия «героическое», героизация в современной трактовке может иметь как позитивные, так и негативные коннотации.

Тем не менее мы считаем принципиально важным обратиться именно к понятию «героизация», поскольку процесс героизации в русской культуре начала XX в. приобретает, на наш взгляд, программный характер как в культуре Серебряного века, так и в советской культуре начала XX в.

Отметим, что осмыслению героического в той или иной степени посвящены работы отечественных философов рубежа XIX-XX вв.: Н. А. Бердяева, И. Л. Ильина, С. Н. Булгакова, Л. П. Карсакина, которые рассматривали личность и героизм в аспекте религиозной природы и религиозного опыта. Так, обратим внимание на высказывание С. Н. Булгакова, чьи размышления о героическом начинаются со знаменательных слов, характеризующих исторический перелом в русской культуре: «Россия пережила революцию. Эта революция не дала того, чего от нее ожидали» [Булгаков, 1909]. Продолжаются его размышления осмыслением феномена героического в контексте подвижничества: «Стать героем, а вместе и спасителем человечества можно героическим деянием, далеко выходящим за пределы обыденного долга. Эта мечта, живущая в интеллигентской душе, хотя выполнимая лишь для единиц, служит общим масштабом в суждениях, критерием для жизненных оценок» [Булгаков, 1909]. О самопожертвовании русской интеллигенции говорил Н. Бердяев, отмечая, что «интеллигенция, в лучшей своей части, фанатически была готова на самопожертвование и не менее фанатически исповедовала материализм, отрицающий всякое самопожертвование» [Бердяев, 1909]

Безусловно, для философов конца XIX – начала XX в. героизм и героическое связаны с мессианской ролью русской культуры, религиозным служением личности.

Мы сознательно обратились к работам русских философов начала XX в., поскольку сопоставле-

ние новой концепции героического, разработанной в период становления советской культуры, с философско-религиозными трактовками личности и героизма, на наш взгляд, демонстрирует генетическую связь культуры Серебряного века и революционной России, а также трансформацию понятия героизации.

Прежде всего, мы отмечаем расхождение в понимании героического в работах представителей Серебряного века и апологетов новой идеологии. Расхождение обнаруживается в следующих позициях. Во-первых, сложившаяся традиция (прежде всего, в мифокритике) рассматривает героическое в *традициях индивидуализма*. Герой – исключительная личность, подвиг которого – беспрецедентный поступок. Поэтому, несмотря на довольно большое количество героев в различных мифосистемах, героические мифы – это история подвигов отдельных персонажей (Геракл, Персей, Тесей и т. д.). В то же время человек, будучи персонажем мифосистемы, как правило, не обладает исключительными способностями, не способен к подвигам, а выступает как представитель коллектива.

Героическое как индивидуальное вслед за романтиками трактуют символисты, которым свойственна мифологизация житнетворчества и поведения [Ерохина, 2010]. Отсюда – стремление символистов к мифологизации, которая проявляется как на уровне использования мифологических тем и персонажей («Демон» и «Пан» М. Врубеля, «Счастье Прометей» Н. Минского, «Леда» Д. Мережковского, «Протесилай умерший» В. Брюсова, «Прометей» Вяч. Иванова), так и на уровне создания авторских мифов («Мелкий бес» Ф. Сологуба, «Христос и Антихрист» Д. Мережковского, «Огненный ангел» В. Брюсова, «Петербург» А. Белого). Кроме того, одновременно с процессом мифологизации появляются черты героизации, свойственной житнетворчеству русских символистов. Симбиоз мифологизации и героизации обнаруживается при обращении к личности Творца в целом и собственной личности, в частности. Так, мифологизируется и героизируется облик символиста как Поэта (актуализируется миф о Поэте как истинном творце, избраннике, призванном творить жизнь как искусство). Такому облику Поэта (хотя порой и в негативной модальности) в наибольшей степени соответствовали, по мнению современников, К. Бальмонт («Бальмонт был великолепен <...> вид того самого рассеянного поэта, не потребованного к священной жертве Аполлоном и погруженного в забавы суетного

света» [Московский Парнас..., 2006, с. 483]) и Вяч. Иванов («Его довольно высокий голос и всегда легкий пафос подходили ко всему облику поэта» [Алешина, 2002, с. 85]).

Мифологизация и героизация собственной личности символиста представлена в воспоминаниях современников: А. Блок производит впечатление «юного бога Аполлона» [Пяст, 1997, с. 30-31], М. Волошин – «Зевс с папиного шкафа» («Темно-русое руно его волос, густокудрявых, и такая же борода не дают увидеть границы его лица, большого, как Зевсово» [Цветаева, 1988, с. 507-508]), М. Кузмин – фавн («тоненький, хрупкий, в современном пиджаке, но с лицом не то фавна, не то молодого сатира, какими их изображают помпейские фрески») [Воспоминания..., 1993, с. 236].

Во-вторых, *героизация* в аспекте индивидуализма свойственна символизму и в связи с построением особого мира – *мира элитарного*, избранного, мира для посвященных. Конструирование элитарной повседневности преследует в символизме две цели: с одной стороны, элитарность частного быта включается в моделирование текста личности символиста и призвана подчеркнуть уникальную индивидуальность (она раскрывается «лишь фрагментарно, выявляя всего один из аспектов своей личности в уникальной биографической ситуации» [Шюц, 1988]); с другой стороны, элитарность повседневности создает контекст символизма, в котором важна установка на существование определенного типа (модели) личности, поскольку повседневность тяготеет к формированию стереотипов, устойчивых форм бытования («мы понимаем другого, конструируя типичный способ деятельности, типичные, лежащие в его основе мотивы, установки типа личности <...> Думая об отсутствующем друге А, я конструирую идеальный тип его личности и поведения на основе моего прошлого восприятия Л как партнера» [Шюц, 1988]). Таким образом, культурное пространство, создаваемое человеком, получает самостоятельное существование. Оно имеет свое строение, функции, динамику. Культурное пространство воплощает образную модель действительности, выступает как модель Вселенной данной культуры: «Погруженный в культурное пространство человек неизбежно создает вокруг себя организованную пространственную среду» [Лотман, 1996, с. 297].

Для новой культуры «революционной» России характерны противоположные тенденции: *сближение мифического героя с историческим*, в ос-

нове которой лежит идея *героизации* не только выдающегося, но и *обыденного*, а феномены нового героя и героического обусловлены классовой борьбой.

Не случайно к теме героического в 1898 г. обратился Г. В. Плеханов, который под влиянием работ П. Лафарга трактовал *героическое* в контексте *общественных условий и пользы*: «Чтобы человек, обладающий талантом известного рода, приобрел благодаря ему большое влияние на ход событий, нужно соблюдение двух условий. Во-первых, его талант должен сделать его более других соответствующим общественным нуждам данной эпохи: если бы Наполеон вместо своего военного гения обладал музыкальным дарованием Бетховена, то он, конечно, не сделался бы императором. Во-вторых, существующий общественный строй не должен заграждать дорогу личности, имеющей данную особенность, нужную и полезную как раз в это время» [Плеханов, 1956].

Еще более репрезентативна в аспекте осмысления героического в советской культуре лекция 1924 г. А. В. Луначарского «Героизм и индивидуализм», в которой он последовательно раскрывает «историю развития явления и понятия героизма» в контексте индивидуального и общественного. А. В. Луначарский также обращается к мифологическим истокам героизма, отмечая, что герой означает «исключительного человека, <...>, превосходящего своим героизмом норму человечества, ознаменовавшего свою жизнь на земле рядом выдающихся подвигов» [Луначарский, 1925]. Но для Луначарского-революционера, общественного деятеля, первого наркома Просвещения РСФСР мифическое и историческое содержание понятий героического необходимо для формирования представления о новом наполнении понятия «герой». Поэтому, обращаясь к культуре Античности и Возрождения, акцентируя внимание на таких персонажах, как Наполеон и Байрон, А. В. Луначарский дает определение «пролетарскому героизму»: «Героически настроенный коммунист связан непрерывной лестницей с каким-нибудь организующимся, но отсталым пролетариатом завода или фабрики» [Луначарский, 1925].

Таким образом, на первый план выходит *героизация коллективного начала*, противостоящего индивидуальному, поэтому на смену личности приходит коллективный герой, «герой-пролетариат». Личность обретает коллективное мышление и может существовать только в контексте коммунистической идеологии: «Коммунистическое начало <...> отрицает чисто индивидуаль-

ный героизм, но оно исходит из коллективного героизма; отдельную личность оно признает только тогда, когда есть уверенность, что личность все свои дарования бросила на общее дело, отказалась от личных затей и идет в ногу с хорошо понятой действительностью» [Луначарский, 1925].

Соответственно, и *советское бытие* рассматривается не в контексте «мещанской морали» индивидуализма, а в контексте *коллективного существования*, для которого характерны создание коммуналок (начиная с 1918 г.), системы общественных кухонь, коммун. Безусловно, перестройка советского быта в первый период новой власти происходила не одномоментно и имела свои этапы формирования и эволюцию («период «военного коммунизма», период нэпа, период первых пятилеток» [Овчинников, 2007]). Мы обозначаем общие тенденции, характерные для нового понимания быта, элитарность которого не просто не предполагалась, а напротив – становилась признаком враждебности и идеологической несостоятельности.

Именно в этот период (особенно в первые годы советской власти) появилось достаточно большое количество выступлений и публикаций, посвященных преобразованию быта (Л. Троцкий, Г. Зиновьев, Н. Бухарин, А. Коллонтай). Например, Л. Троцкий в 1921 г. призывает рабочий класс познать свой быт: «Для того, чтобы подняться культурно на более высокую ступень, рабочему классу, прежде всего его авангарду, нужно продумать свой быт. А для этого нужно познать его» [Троцкий, 1927].

Героизация повседневности и быта становится характерной чертой советской культуры начала XX в. В традиционном понимании, героизации подвергаются исключительные события, не входящие в контекст повседневности: подвиг, военные победы, самопожертвование и т. д. В советский период героический характер приобретает повседневное существование, что отчасти обусловлено и историко-культурным контекстом: годы гражданской войны, внутри- и межпартийная борьба, формирование сталинского режима. Тем не менее героизация трудовых будней, противостояние внешним и внутренним врагам, героические подвиги повседневности становятся декларируемой частью коммунистического существования.

Вместе с тем, при всех очевидных различиях подходов к героизации личности и пониманию повседневности в русской культуре рубежа XIX-XX вв. и начального этапа советской культу-

ры, мы обнаруживаем определенную *преемственность* в осмыслении указанных концептов.

Во-первых, генезисом концепта героического коллективизма можно считать *идею соборности*, разработанную русскими философами и символистами.

Обоснованный А. Хомяковым принцип соборности был преломлен в идее Всеединства, «сизигии» в трудах В. Соловьева. Коллективное, единое – тема не только славянофильства, но и практически всей русской (особенно религиозной) философии конца XIX – начала XX в. (Н. Бердяев, о. П. Флоренский). Идея соборности противостоит индивидуализму (провозглашаемому в западноевропейской философии), который воспринимается в России в негативном модусе: он разобщает людей, заставляет замыкаться в мире собственных переживаний и, следовательно, не может способствовать возрождению, а тем более развитию культуры.

В контексте русского символизма идея соборности, по нашему убеждению, приобрела наиболее законченное выражение в мировоззрении Вяч. Иванова, хотя широко представлена и у других мыслителей.

Концепция русской культуры, выстроенная в трудах Вяч. Иванова, позволяла современникам (как и впоследствии исследователям) причислять его, в отличие от Д. Мережковского, к кругу славянофилов. Среди первых онтологических оснований русской культуры – уже обозначенная идея соборности; поэтому Вяч. Иванов интересуют онтологические аспекты соборности как явления зарождающейся космополитичной культуры. Именно исходя из подобной точки зрения, художник обращается к анализу как западноевропейской, так и русской культур. Более того: по мнению Н. Бердяева, «соборность» – не только «излюбленный его лозунг» [Иванова, 1992, с. 320], но и принцип жизни, общения, который и позволял поэту быть в центре русской культуры, объединять самые разные идеи. Идея соборности не случайно, на ментальном уровне, волновала Вяч. Иванова, утверждавшего, что она, эта идея, заложена даже в его фамилии: «Я нахожу, что моя фамилия, в связи с моим “соборным” мировоззрением, мне весьма подходит. “Иванов” встречается среди всех наших сословий, оно всерусское, старинное...» [Иванова, 1992, с. 411].

Соборность становится не только концепцией, но и дискурсом, ибо она не только связана с пониманием религиозности; но также находит свое выражение в стремлении избегать, по возможно-

сти, противопоставлений русской культуры и западной, а также в стремлении к синтезу искусств.

Соборность у Вяч. Иванова – это ключевая дефиниция символистского культурного проекта, так и не воплощенная на бытийном уровне жизни человечества в той форме, которая соответствовала бы ее идеальной основе; но адекватность и идеал по определению дихотомичны.

Поэтому соборность – достояние культуры будущего. Соборность должна не только воплотиться на уровне самосознания, стать образом мысли и чувствований, но и обрести деятельностную ипостась, стать образом жизни.

И хотя для советской культуры не характерно употребление термина «соборность», поскольку он имел явный религиозный подтекст, а советская культура вела активную борьбу против религии и церкви, суть соборности как коллективизма и единения обозначена и в указанных ранее работах Г. Плеханова («Великий человек велик не тем, что его личные особенности придают индивидуальную физиономию великим историческим событиям, а тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени, возникшим под влиянием общих и особенных причин» [Плеханов, 1956]), и выступлениях А. В. Луначарского («И всякая героичность стала бы бессмысленной, если бы она не имела какого-то соединительного звена с историей человечества, если бы она не чувствовала себя прямо или косвенно вкладывающей свою личность, как камень, в общее строительство» [Луначарский, 1925]). Более того, некоторые высказывания политических деятелей революционной России вполне соотносятся и с религиозным дискурсом соборности: «В нравственном смысле велик каждый, кто, по евангельскому выражению, «полагает душу свою за други своя» [Плеханов, 1956].

Во-вторых, *героизация повседневности* и новое понимание быта обнаруживаются также в культуре русского символизма. Это, например, представление о быте как мещанстве и чертовщине, предложенное З. Гиппиус. По мнению С. Бойм, «в культуре, для которой эсхатологическое и апокалиптическое неразрывно связаны с идеей национального, мало терпимости по отношению к обыденному, преходящему и повседневному» [Бойм, 2002, с. 49]. На рубеже XIX-XX вв. быт воспринимается не только как бездуховность, но и как «мир мелочей» (по определению З. Гиппиус), не заслуживающий внимания, бессмысленный и пугающий. Быт для З. Гиппиус настолько страшен,

что приобретает мистическое качество – он не создается людьми, а «рождается сам», из колеса быта почти невозможно вырваться, он затягивает и убивает, «затирает личность» [Гиппиус, 1999, т. 1, с. 300-312]. Быт определяется как смерть, отсутствие жизни и творчества.

Быт соотносится с эсхатологичностью и апокалиптическими умонастроениями русской культуры конца XIX – начала XX в., таким образом, быт в аспекте повседневности становится преходящим и незначительным, а в аспекте вечности – символом грядущей катастрофы. Быт актуализирует мессианские интенции русской культуры конца XIX – начала XX в., стремление выйти за рамки повседневного, претворить мессианскую цель «в утопическое, не важно где – на земле или на небе» [Бойм, 2002, с. 111].

В этом контексте советское отрицание быта как мещанства коррелирует с символистской трактовкой быта как пустоты.

Героизация же быта становится своего рода противопоставлением смысла и исключительности события пустоте и бессмысленности повседневного существования (к героизации повседневности еще в 1894 г. призывал М. Горький в «Старухе Изергиль» (1894 г.): «В жизни, знаешь ли ты, всегда есть место подвигам»).

Есть и еще один аспект героизации, свойственный как культуре Серебряного века, так и советской культуре начала XX в., который не был рассмотрен ранее. Среди героических деяний, которые оказались наиболее востребованы в этот период, особое внимание уделяется *культурному строительству*, вследствие чего на первый план выходят культурные подвиги, совершаемые *культурными героями*.

Не случайно уже в первый год строительства новой культуры появляются пролетарские культурно-просветительские организации (знаменитые Пролеткульты). Не останавливаясь подробно на деятельности Пролеткульты, широко освещенной в научной литературе, обозначим общую тенденцию, свойственную для программных утверждений русских модернистов и деятелей культуры революционной России: попытку теоретически обосновать и построить новую культуру, для которой характерен и пафос отрицания старого, и пафос созидания нового, отражавший поиски новой духовности и новых форм. Отметим, что отношение к Пролеткульту как современников, так и в дальнейшем советской власти столь же неоднозначно, как и отношение к русскому модернизму (как в период его становления, так и в период его

«забвения» советскими исследователями). Соглашаясь с исследователями, что «Пролеткульт – это уникальное массовое социокультурное движение революционной эпохи, в судьбе которого, как в зеркале, отразились многие социальные и культурные противоречия российской истории 1917-1932 годов» [Карпов, 2009], отметим, что Пролеткульт, объединивший прежде всего пролетарских писателей и поэтов (что также свидетельствует о литературоцентричности новой культуры), в какой-то степени продолжил традиции литературных кружков и объединений, свойственных русской культуре Серебряного века.

Таким образом, культурный герой приобретает черты *героя-Демурга*, строителя новой культуры, чья деятельность направлена на разрушение старого мира и созидание нового. Именно культурный герой дает нам представление о «герое своего времени»: культурного героя можно трактовать «как предлагаемую модель поведения человека; впоследствии эта модель может трансформироваться и дать миру обобщенный или вочеловеченный образ «героя эпохи» [Абульханова, 2001, с. 92].

Таким образом, героизация личности и быта, характерная для становления советской культуры начала XX в., имеет парадоксальный характер. Свойственный русской культуре бинарный характер, о котором писал Н. Бердяев («Все тот же дуализм, та же расколотость продолжают быть характерными для России» [Бердяев, 1990], проявляет себя в выстраивании противоположных моделей культуры, отторгающих друг друга, что мы обнаруживаем при исследовании советской культуры начала XX в. Героизация коллективного начала, роли социального и общественного, моделирование коллективного героя, героизация повседневности и быта – все эти тенденции противостоят выработанной в культуре Серебряного века элитарной модели культуры, в которой на первый план выходят индивидуальное творческое начало, мифологизация и героизация личности Творца, символическое отрицание быта. Установочный характер этого отрицания и построения бинарных оппозиций мы обнаруживаем и в программных выступлениях В. И. Ленина, который сформулировал положение о «двух культурах». О различности наполнения одних и тех же ключевых понятий (смысловых концептов), которые использовали полемизирующие стороны, говорил И. В. Кондаков, отмечая, что «это – не просто полемический прием или идеологическое расхождение оппонентов: это знаки социокультурного рас-

кола – со всеми вытекающими последствиями цивилизационного порядка» [Кондаков, 2018, с.455].

Вместе с тем парадоксальность указанной бинарности заключается в том, что в культуре Серебряного века были теоретически разработаны и осмыслены те концепты, которые будут (осознанно или не осознанно) заимствованы советской культурой и трансформированы в контексте советского бытия и образа жизни: мифологизация и героизация новой личности (советского человека как представителя нового общества), доминирование представлений о культурном герое [Ерохина, 2018], отрицание быта как пошлости и мещанства, трансформация соборности в коллективное начало, пафос разрушения старого и создание нового мира. Декларируемый советской властью разрыв новой (советской) культуры с культурой старой (в том числе – культурой Серебряного века) не реализован в полной мере и обнаруживает генетическую связь, которая будет продемонстрирована и в дальнейшие периоды советской культуры.

Библиографический список

1. Абульханова К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. Санкт-Петербург : Алетей, 2001. 304 с.
2. Алёшина Л. С. Образы и люди Серебряного века / Л. С. Алёшина, Г. Ю. Стернин. Москва : Галарт, 2002. 272 с.
3. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: философы русского послеоктябрьского зарубежья : сборник / АН СССР, Науч. совет по пробл. рус. культуры ; сост. М. А. Маслин ; вступ. ст. М. А. Маслина, А. Л. Андреева. Москва : Наука, 1990. С. 43-271.
4. Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи : сборник статей о русской интеллигенции. Москва, 1909. URL: <http://www.vehi.net/vehi/bulgakov.html> (Дата обращения: 16.03.2020).
5. Бойм С. Общие места : Мифология повседневной жизни. Москва : Новое литературное обозрение, 2002. 320 с.
6. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи : сборник статей о русской интеллигенции. Москва, 1909. URL: <http://www.vehi.net/vehi/bulgakov.html> (Дата обращения: 16.03.2020).
7. Воспоминания о Серебряном веке. Москва : Республика, 1993. 559 с.
8. Гиппиус З. Н. Дневники : в 2 кн. ; под общ. ред. А. Н. Николюкина. Москва : НПК «Интелвак», 1999. Кн. 1. 736 с. ; Кн. 2. 720 с.
9. Ерохина, Т. И. Максим Горький: культурный герой и память культуры // Верхневолжский филологи-

ческий вестник. 2018. №4 (15). С. 217-222.

10. Ерохина Т. И. Мифологизация поведения личности поэта в культуре русского символизма // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4. С. 235-239.

11. Иванова Л. Воспоминания : кн. об отце / подгот. текста и коммент. Д. Мальмстада. Москва : РИК «Культура», 1992. 431 с.

12. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / Томас Карлейль. Москва : Эксмо, 2008. 864 с.

13. Карпов А. В. Русский Пролеткульт. Идеология, эстетика, практика. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУП, 2009. 260 с.

14. Киященко Н. И. Героическое как категория эстетики // Эстетика. Категории. Искусство. Москва : Искусство, 1965. С. 88-93.

15. Кондаков И. В. Русский маскульт: от барокко к постмодерну. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2018. 544 с.

16. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера истории. Москва : Языки русской культуры, 1996. 447 с.

17. Луначарский А. В. Героизм и индивидуализм. Москва : Новая Москва, 1925. 26 с.

18. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2-х т. Т. 2. Москва : Российская энциклопедия, 1997. 720 с.

19. Московский Парнас: Кружки, салоны, журфиксы Серебряного века (1890-1922) / сост., примеч., указатель Т. Ф. Прокопова. Москва : Интелвак, 2006. 768 с.

20. Овчинников А. П. Быт и политика: советское государство и революционная перестройка быта в 20-е гг. XX века (к проблемам истории государственного управления) // Вестник СамГУ. 2007. №3 (53). С. 34-42.

21. Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения : в 5-ти тт. Т. 2. Москва : Госполитиздат, Соцэкгиз, 1956. С. 300-334.

22. Пяст В. Встречи. Москва : Новое литературное обозрение, 1997. 416 с.

23. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/04/ma130652.htm?cmd=0&istext=1> (Дата обращения: 16.03.2020).

24. Троцкий Л. Д. Чтобы перестроить быт, надо познать его // Сочинения. Москва ; Ленинград : Госиздат, 1924-1927. URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trot1913.html> (Дата обращения: 16.03.2020).

25. Цветаева М. Сочинения : в 2 т. Т. 2. Минск : Нар. света, 1988. 479 с.

26. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129-137.

27. Эстетика: Словарь / под общей редакцией А. А. Беляева и др. Москва : Политиздат, 1989. URL: <https://aesthetics.academic.ru/92/%D0%93%D0%95%D0%A0%D0%9E%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%95> (Дата обращения: 16.03.2020).

Reference list

1. Abul'hanova K. A. Vremja lichnosti i vremja zhizni = Time of personality and time of life / K. A. Abul'hanova, T. N. Berezina. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2001. 304 s.

2. Aljoshina L. S. Obrazy i ljudi Serebrjanogo veka = Images and people of the Silver Age / L. S. Aljoshina, G. Ju. Sternin. Moskva : Galart, 2002. 272 s.

3. Berdjaev N. A. Russkaja ideja. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX veka i nachala HH veka = Russian idea. The main problems of Russian thought of the XIX century and the beginning of the XX century // O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture: Filosofij russkogo posleoktjabr'skogo zarubezh'ja : sbornik / AN SSSR, Nauch. sovet po probl. rus. kul'tury ; sost. M. A. Maslin ; vstup. st. M. A. Maslina, A. L. Andreeva. Moskva : Nauka, 1990. S. 43-271.

4. Berdjaev N. A. Filosofskaja istina i intelligentskaja pravda = Philosophical truth and intellectual truth // Vehi : sbornik statej o russkoj intelligencii. Moskva, 1909. URL: <http://www.vehi.net/vehi/bulgakov.html> (Дата обращения: 16.03.2020).

5. Bojm S. Obshhie mesta : Mifologija povsednevnoj zhizni = Common places: The mythology of everyday life. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 320 s.

6. Bulgakov S. N. Geroizm i podvizhnichestvo = Heroism and ascension // Vehi : sbornik statej o russkoj intelligencii. Moskva, 1909. URL: <http://www.vehi.net/vehi/bulgakov.html> (Дата обращения: 16.03.2020).

7. Vospominanija o Serebrjanom veke = Memories of the Silver Age. Moskva : Respublika, 1993. 559 s.

8. Gippius Z. N. Dnevnik : v 2 kn. = Diaries: in 2 books. ; pod obshh. red. A. N. Nikoljukina. Moskva : NPK «Intelvak», 1999. Kn. 1. 736 s. ; Kn. 2. 720 s.

9. Erohina, T. I. Maksim Gor'kij: kul'turnyj geroj i pamjat' kul'tury = Maxim Gorky: cultural hero and memory of culture // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. №4 (15). S. 217-222.

10. Erohina T. I. Mifologizacija povedenija lichnosti pojeta v kul'ture russkogo simvolizma = Mythologization of the behavior of the poet's personality in the culture of Russian symbolism // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2010. № 4. S. 235-239.

11. Ivanova L. Vospominanija : kniga ob otce = Memories: a book about the father / L. Ivanova ; podgot. teksta i komment. D. Mal'mstada. Moskva : RIK «Kul'tura», 1992. 431 s.

12. Karlej' T. Geroi, pochitanie geroev i geroidcheskoe v istorii = Heroes, veneration of heroes and heroic in history / Tomas Karlej'. Moskva : Jeksmo, 2008. 864 s.

13. Karpov A. V. Russkij Proletkul't. Ideologija, jestetika, praktika = Russian Proletcult. Ideology, aesthetics, practice. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGUP, 2009. 260 s.
14. Kijashhenko N. I. Geroicheskoe kak kategorija jestetiki = Heroic as a category of aesthetics // Jestetika. Kategorii. Iskusstvo. Moskva : Iskusstvo, 1965. S. 88-93.
15. Kondakov I. V. Russkij masskul't: ot barokko k postmodernu = Russian Massscult: from Baroque to Postmodern. Moskva ; Sankt-Peterburg : Centr gumanitarnyh iniciativ, 2018. 544 s.
16. Lotman Ju. M. Vnutri mysljashhih mirov. Che-lovek – tekst – semiosfera istorii = Inside the thinking worlds. Man – text – the semiosphere of history. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 447 s.
17. Lunacharskij A. V. Geroizm i individualizm = Heroism and individualism. Moskva : Novaja Moskva, 1925. 26 s.
18. Mify narodov mira. Jenciklopedija = Myths of the peoples of the world. Encyclopedia : v 2-h t. T. 2. Moskva : Rossijskaja jenciklopedija, 1997. 720 s.
19. Moskovskij Parnas: Kruzhki, salony, zhurfiksy Serebrjanogo veka (1890-1922) = Moscow Parnas: Mugs, salons, home days of the Silver Age (1890-1922) / sost., primech., ukazatel' T. F. Prokopova. Moskva : Intelvak, 2006. 768 s.
20. Ovchinnikov A. P. Byt i politika: sovetskoe gosudarstvo i revoljucionnaja perestrojka byta v 20-e gg. HH veka (k problemam istorii gosudarstvennogo upravlenija) = Life and politics: the Soviet state and the revolutionary restructuring of life in the 1920s (to the problems of the history of public administration) // Vestnik SamGU. 2007. №3 (53). S. 34-42.
21. Plehanov G. V. K voprosu o roli lichnosti v istorii = On the role of the individual in history // Izbrannye filosofskie proizvedenija : v 5-ti t. T. 2. Moskva : Gospolitizdat, Socjkgiz, 1956. S. 300–334.
22. Pjast V. Vstrechi = Meetings. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 1997. 416 s.
23. Slovar' russkogo jazyka = Dictionary of the Russian language : v 4-h t. / RAN, In-t lingvistich. issledovanij ; pod red. A. P. Evgen'evoj. 4-e izd., ster. Moskva : Rus. jaz.; Poligrafresursy, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/04/ma130652.htm?cmd=0&istext=1> (Data obrashhenija: 16.03.2020).
24. Trockij L. D. Chtoby perestroit' byt, nado poznat' ego = To rebuild life, you need to know it // Sochinenija. Moskva ; Leningrad : Gosizdat, 1924-1927. URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trotl913.html> (Data obrashhenija: 16.03.2020).
25. Cvetaeva M. Sochinenija = Compositions : v 2 t. T. 2. Minsk : Nar. asveta, 1988. 479 s.
26. Shjuc A. Struktura povsednevnogo myshlenija = Structure of everyday thinking // Sociologicheskie issledovanija. 1988. № 2. S. 129-137.
27. Jestetika: Slovar' = Aesthetics: Dictionary / pod obshej redakciej A. A. Beljaeva i dr. Moskva : Politizdat, 1989. URL: <https://aesthetics.academic.ru/92/%D0%93%D0%95%D0%A0%D0%9E%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%95> (Data obrashhenija: 16.03.2020).